

Татьяна Щурова

«Где так сиренева сирень...»

По календарю знаменательных дат нынешнего года 3 марта отмечается 120-летие со дня рождения Юрия Карловича Олеси (1899-1960). Если вспомнить древнее еврейское пожелание – «до 120», то с сожалением заметим, что судьба выделила ему из этого срока лишь половину плюс один год...

Как известно, Олеша провел в Одессе детство и юность, окончил Ришельевскую гимназию, в 1917 году поступил в университет, где изучал в течение двух лет юриспруденцию. В Одессе 16-летний юноша увидел свою первую публикацию – в 1915 году журнал «Южный вестник» опубликовал его стихотворение «Кларимонда».

Все так удачно складывалось: он вошел в 1917-1918 гг. в литературный кружок «Зеленая лампа», затем влился в объединение «Коммуна поэтов», был неперенным участником поэтических вечеров до начала 1920-х вместе со многими будущими знаменитыми авторами «Юго-Запада». И печатал свои юношеские стихи в многочисленных одесских периодических изданиях. Правда, в зрелом возрасте уже не хотел вновь публиковать свои ранние стихи, объясняя, что они «слишком профессиональны». Жаль, потому что даже не отличавшийся доброжелательностью Валентин Катаев отмечал, что Олеша «писал великолепные стихи»...

Потом была «взрослая» жизнь в Москве, сложнейшие 30-50-е годы, невостребованность.

Фотография подарена Ольге Густавовне Суок-Россинской с надписью: «...милому, дорогому и уважаемому другу с благодарностью и нежностью. Ю. Олеша. 14/XII-22»

Въ скверъ.

Изъ цикла "Стиховъ объ Одессѣ".
(Сонетъ).

Вчера надъ моремъ тосковало лѣто,
Июльскій полдень былъ печально сѣръ, —
А я бродилъ, пришелъ въ зеленый скверъ...
Вокругъ листва и небо безъ просвѣта...

Кругомъ театра изъ тумана флеръ.
Все ждетъ дождя — весенняго привѣта...
Въ душѣ печаль, какъ будто пѣснь пропѣта;
Июль груститъ и говоритъ: не вѣрь...

И я не вѣрю. Нудная "разлука"
За зеленою звучитъ издалека.
И тишина. И нѣтъ живого звука...
Но почему? — Вѣдь осень не близка!

А надъ цвѣтами, надъ театромъ скука
И тишина. А на душѣ тоска.

Апрѣль.

(Изъ цикла "Стиховъ объ Одессѣ")

Сегодня воздухъ чистъ и свѣтлъ
И пахнетъ моремъ... А вдали,
Надъ городомъ, какъ будто вѣтеръ
По небу гонить корабли...

И улицы сегодня громки,
Отъ словъ, трамваевъ и каретъ,
И въ быстромъ взглядѣ незнакомки
Встрѣчаешь ласковый привѣтъ...

А вечеромъ, когда такъ ярки
Въ зеленомъ небѣ фонари,
Все золотится въ голомъ паркѣ,
Отъ угасающей зари...

Юрій Олеша.

Сиреневое рондо.

По полямъ скитался цѣлый день —
Все вокругъ такъ солнечно, такъ молодо,
А вдали надъ дымомъ деревень
Разлилось негаснущее золото...
По садамъ кудрявится сирень,
И сирень къ груди моей приколото. —
Хорошо, и сладостно, и лѣнь,
И горитъ сиреневое золото...

Юрій Олеша.

«Его не расстреляли, но жизнь сломали», – как верно заметил недавно Евгений Голубовский по поводу другого писателя. Эти слова вполне можно отнести и к судьбе Ю.К. Олеси.

К 100-летию Олеси в Одессе в 1999 году впервые отдельной книжкой вышел сборник его ранних стихов «Облако», многие из которых были опубликованы в одесской прессе начала XX века. Книга напечатана тиражом 100 экземпляров при поддержке Центра современного искусства – Одесса и при содействии Всемирного клуба одесситов. Инициатором, составителем, автором предисловия был Е.М. Голубовский, которому с удовольствием помогали краеведы, сотрудники ОГНБ им. М. Горького и Одесского литературного музея.

Мы сегодня повторим некоторые стихотворения Юрия Олеси из одесского журнала революционной сатиры «Бомба» (1917-1918). Они рассыпаны во многих номерах этого издания, также здесь можно найти его талантливые рисунки и карикатуры.

«Бомба» выходила под редакцией Незнакомца (Бориса Флита). Это был образец профессионального журнала, в котором опытные журналисты и молодые авторы вместе с талантливыми художниками сумели запечатлеть сложнейшее время.

Стихи Олеси в «Бомбе» отражали смятение юноши, переживающего катаклизмы в окружающем мире. Но молодость брала свое, и появлялись строки: «Кричало от счастья солнце» или «Здесь все тона изящной акварели»...

Одна из шуток Юрия Олеси: «Я выглядываю из вечности»... Он действительно с нами – своей прозой, дневниками. А кто-то впервые прочтет его стихи.

Профессор, рабочему:—Ты говоришь—бить буржуев? Так тебеж придется биты! Ты работаешь шесть часовъ въ день и имбешь 600 руб. въ мѣсяцъ,—я учился 12 лѣтъ, работаю тоже шесть часовъ въ день и имбю полтора! Кто же изъ насъ буржуи?

Dolce far niente.

Письмо съ дачи.

Въ это жасминное утро
Какъ-то особенно пѣла я...
Кто-то внизу восхищался:
„Слышишь, какое контраalto!“
Послѣ валялась на пляжѣ
Стройная и загорѣлая,
Персики ѣла... А море—
Синее, какъ изъ кобальта...
Можетъ, отъ солнца и моря
Стало по-дѣтски мнѣ весело:
Точно я вновь гимназистка,
Точно мои именины...
На баллюстраду усѣлась,
Ножки балетныя свѣсила—
Вотъ, молъ, цвѣты, посмотрите,
Ножки какія у Нины...

* * *

Солнчится сердце, какъ небо,
Нотами только что спѣтыми...
Бѣлое платье надѣла
Съ бронзовымъ вырѣзомъ шеи.
Въ полдень на желтой площадкѣ
Съ глупыми очень кадетами
Въ теннисъ играю, изящнѣй
Даже самой Саломеи..

* * *

Послѣ обѣдаю съ мамой
И объѣдаюсь мороженымъ.
Вечеромъ я на вокзалѣ,
Тонная, съ шелковымъ газомъ...
Дачные франты съ хлыстами
Просятся: дайте по рожѣ намъ,
Здѣшнихъ дѣвицъ обступивши
Одеколоннымъ оазомъ...

Одесса 1917 г.

Юрій Олеша.

Письмо

Мне так странно смотреть на эти
Глаза, подведенные синим.
Ты ведь помнишь? – Мы были дети
И смеялись кошкам и дыням

Или сладким розовым вишням,
Помнишь, Тата? – Впрочем, все это
Стало вдруг забытым и лишним:
Наша дача, море и лето...

Ну, конечно, теперь иначе –
Теперь скачки, кафе и клубы...

Но во сне я на дальней даче
Твои, Тата, целую губы...

(Одесса, 1918)

Кровь на памятнике

Народ покрыл красным флагом голову памятника Екатерине

Из тьмы веков взошла тяжелым шагом
На гулкий пьедестал торжественная новь,
И голову царица красным флагом
Закутала... И пурпур, точно кровь,
Стекает вниз по бронзовому телу...
Какому здесь трагическому делу
Судьбой воздвигнут грозный эшафот?
За кровь пролитую бескровная расплата...
А с Запада над городом встает
Из давних снов, как призрак, тень Марата
И смотрит, как пурпурово течет
По памятнику кровь и как мелькают птицы
Над трупом обезглавленной царицы...

(Апрель 1917. Одесса)

***	Гдѣ слышитъ запоздалый путникъ	Пора кончать... Въ моемъ разсказѣ (О, непростительный пробѣлы!)
Но все же мнѣ мила Одесса, Гдѣ такъ сиренева сирень, И отъ зеленого навѣса Листвы не жарокъ	Кондукторское "нѣтъ мѣстов", Гдѣ биржевой ораторъ Гутникъ,	Я о Хари и Ашкинази Сказать ни слова
лѣтній день, Гдѣ въ шумѣ греческихъ кофеенъ	Когда свободы путь готовъ, Свободы требуетъ народной, И тамъ,	не успѣлъ... Но, впрочемъ, лишняя услуга:
Сидишь экзотикой овѣянь, Гдѣ на концертахъ, и въ кино,	гдѣ Финкель благородный Собралъ въ потокъ нѣжныхъ слезъ	Они вѣдь съ сѣвера до юга Извѣстны каждому (увы!), Отъ Аргентины до Москвы,
И въ ресторанахъ — все полно;	Окурки царскихъ папирсовъ; Гдѣ съ одинаковымъ подъемомъ	Отъ Гонолулу и до Марса... Ахъ, что жъ объ Анатра сказать?
Гдѣ у брекватора несмѣнно, Направивъ жерла въ дальній лобъ,	Готовы всѣмъ ура кричать И съ поклоненіемъ бѣжать Ко всѣмъ прославленнымъ хоромамъ:	Умѣть кой-куда летать, Пилотъ, любимецъ Каульбарса...
Стоитъ рѣшительный "Синопъ", И гдѣ горять попеременно (Беру для риэмы "падекатръ")	Лишь кто-нибудь воздвигъ алтарь — Керенскій, Линдлеръ или царь!	Я умолкаю и на томъ Поздравлю васъ, друзья, съ концом.
Сибиряковъ или театрѣ.		<i>Юрій Олеша.</i>

В сквере

Из цикла «Стихи об Одессе»

Сонет

Вчера над морем тосковало лето,
Июльский полдень был печально-сер, —
А я бродил, пришел в зеленый сквер...
Вокруг листва и небо без просвета...

Кругом театра из тумана флер.
Все ждет дождя – весеннего привета...
В душе печаль, как будто песнь пропета.
Июль грустит и говорит: не верь...

И я не верю. Нудная «разлука»
За зеленью звучит издалика.
И тишина. И нет живого звука...
Но почему? – Ведь осень так близка!

А над цветами, над театром скука
И тишина. А на душе тоска.

(Одесса, 1917)

Въ циркъ

(Сонетъ).

Изъ цикла стиховъ объ „Одессѣ“.

Какъ ей идетъ зеленое трико!
Она стройна, изящна, свѣтлокудра...
Allez! Галопъ!—Все высчитано мудро
И бѣлый кругъ ей разорвать легко...

* * *

Ахъ, на конѣ такъ страшно высоко!
Смѣется.. Браво... Пахнетъ тѣло, пудра...
Она стройна, изящна, свѣтлокудра,
А конь подъ нею бѣлъ, какъ молоко...

* * *

А вотъ и „рыжій“ въ клѣтчатомъ кафтанѣ—
Его лицо пестро, какъ виногреть.
Какъ онъ острить, бѣдняга, не устанеть...

* * *

„Ей, кажется, всего семнадцать лѣтъ“—
И въ ложѣ типъ рѣшилъ уже заранѣ
Поѣхать съ ней въ отдѣльный кабинетъ...

Юрій Олеша.

Письмо из степи

Дарье Васильевне Зубовой

Горячий, с запахом травы,
Мне ветер развевает ворот...
Я здесь один. Мне снится город.
И парк, и почему-то Вы...

Там дали в августе чисты,
И парк печальней и милее,
И по редющей аллее
Шуршат осенние листы...

А эту золотую вязь
Взметнул над морем не пожар ли,
Где Вы сидите с черным Чарли,
Слегка над книгой наклонясь?

Все чаще меж листвы берез
За золотом мелькает просинь...
Уже задумчивая Осень
Вдыхает запах вялых роз...

И правда? – с воздуха с утра
Оригинально пахнет дыней...
А здесь от выжженных полыней
Еще томительней жара!

Здесь дни минувшие не раз
Мне чудятся милы и ярки, –
Я думаю о дальнем парке,
О черном Чарли и о Вас...

И хорошо мне: знаю я,
Что тут вот степь и эти зори, –
Там – милый парк, и Вы, и море –
Что это молодость моя!

(Одесса, 1917)

Пятый годъ.

Тогда мнѣ было шесть. Я эти дни
Запомнилъ, точно сонъ... И воскресаютъ
Далекія тревожная видѣнья.
Мы жили близко къ морю. Изъ окна
Быль виденъ дымный портъ и пароходы
На радужной засоренной водѣ..
Въ пыли, въ дыму смѣшные поѣзда
Сновали все, гремя по эстакадѣ.
А въ синевѣ, за бѣлымъ маякомъ,
Какъ птицы днемъ, какъ пурпуръ на закатѣ,
Маячили рыбацьи паруса...
Давно, давно... Я былъ совсѣмъ ребенкомъ
И я не понималъ ничего, когда
Отецъ, волнуясь, долго говорилъ,
Что къ намъ идетъ мятежная эскадра,
Что наступаютъ толпы безработныхъ,
Что ждуть чего-то въ городѣ... Потомъ
Однажды мы увидѣли вдали,
За маякомъ красивый броненосецъ,
И я услышалъ, какъ отецъ сказалъ.
Одно лишь слово странное: «Потемкинъ»..
А вечеромъ въ гостиной говорили
Знакомые, что, молъ, убить матросъ
Какой-то, и что нынче ночью
Начнутъ стрѣлять по городу... И вотъ
Настала ночь... О, какъ тревожно,
Какъ жутко было! Помню, у окна
Стояли всѣ: и бабушка и мама.—
А въ темнотѣ, за крышами, внизу
Багровымъ призракомъ горѣла эстакада..
Потомъ мы видѣли, какъ тяжело и спѣша
По темной улицѣ прошли солдаты,—
Куда?—никто не зналъ... И слышно было,
Какъ гдѣ-то тамъ, за площадью съ моста
Стрѣляли внизъ отчетливо и часто.
Я, помню, плакалъ и дрожалъ отъ страха.
И бабушка сердилась на меня
За то, что я не сплю, а старый Неро
Забился подъ кровать и громко вылъ..
Я эту ночь запомнилъ навсегда
И день другой, когда меня послали
Купить черешень въ лавкѣ у еврея,
Я побѣжалъ по лѣстницѣ, и вдругъ
Два выстрѣла: одинъ, черезъ минуту
Другой—ударилъ какъ будто въ небо..
Запомнилось другое, и оно
Всегда живетъ передъ глазами. Помню,
Велѣли намъ повѣсить надъ дверьми
Иконы... Мнѣ казалось непонятнымъ,
Зачѣмъ все это... Послѣ, черезъ день
Въ пролетѣ лѣстницы, на черномъ ходѣ,
Я увидалъ, какъ лавочникъ еврей,
Тотъ самый, продававшій мнѣ черешни,
Лежалъ, раскинувъ руки, какъ паяцъ.
Смѣшно поднялъ съверху борода
Надъ грязной окровавленной манишкой
И прямо на меня, я помню, снизу
Глядѣли жутко мертвые глаза.

Юрій Олеша

Май, 1917 г.

Теперь

Ах, такое Рождество у нас,
Что детей, ей-богу, очень жалко...
Что осталось? Кубики и палки
С лошадиной мордюю без глаз...
Кто-то брел неслышно, а в окне
Дети в кружевах и мягком шелке
Видели, как на асфальте елки
Обсыпал, как пудрой, тихий снег...
Боже мой, теперь уже смешно
Говорить про давние утечи...
Золоченые, блестящие орехи,
Мандаринки, сладкое вино...
Мы большие, ну а им за все
Кто ответит маленькие скорби?
Ведь Рождественский, быть может, в торбе
Принесет немножко монпансье...
Неужели этих детских слез,
Робких и застывших, неужели
Где-то там в извечной колыбели
Не увидит миленький Христос?

(Одесса, 1917)

Мой взгляд на это

Говорят речи, сочиняют оды,
А каждый попросту врет.
«Война до победы», «Заем свободы»,
«Победа – залог свобод»!

А вот спросите, кому это надо? –
Эти слова о войне:
Может быть, вам или негру из сада,
Петру Иванычу? Мне?

Глупый дипломат с желтой маской труп,
Склоня пергаментный лоб,
Выдумал какие-то пушки Круппа,
Пули «дум-дум» и окоп...

Славянство? – Это ничего не значит –
Германия? Реймс? Китай, –
Когда Елена Николаевна плачет,
Детям разливая чай.

Потому что нет известий от папы,
Ни письмеца до сих пор,
И потому что отделка для шляпы
Стоит, сколько раньше мотор!

Наплевать, кто завоюет Европу,
И чей там будет Эльзас,
Когда вот Ниночки жениха Степу
С войны привезли без глаз!

Осложнение.

Рис. Юрия Олеши.

Вильгельм: Доннерветтер! Я перепутать
слъ у меня какой фронта! Съ Запада – марсе-
льса, съ Востока – марсельса!

Давно уже умер смешной Суворов,
И сгнил уже Чертов мост, –
Теперь геройский проявляет норов
У лавки табачный хвост.

И я не поверю никому в мире,
Что кто-нибудь ждет побед –
Ни поручику в кукольном мундире,
Керенскому – тоже нет!

(Одесса, 1917)

Бульвар

Из цикла «Стихи об Одессе»

На небе догорели янтари,
И вечер лег на синие панели.
От сумерек, от гаснувшей зари
Здесь все тона изящной акварели...

Как все красиво... Над листвою вдали
Театр в огнях на небе бледно-алом.
Музей весь синий. Сумерки прошли
Между колонн, и реют над порталом...

Направо Дума. Целый ряд колонн
И цветники у безголосой пушки,
А дальше море, бледный небосклон
И в вышине окаменелый Пушкин...

Над морем умолкающий бульвар
Уходит вдаль зеленою дорогой.
А сбоку здания и серый тротуар,
И все вокруг недостижимо-строго.

Здесь тишина. И лестница в листве
Спускается к вечернему покою...
И строго все: и звезды в синеве,
И черный Дюк с простертою рукою.

(Одесса, 1917)

